

ЗА ЧТО НОЙ ПРОКЛЯЛ ХАМА?

Ирина Медведева,

Татьяна Шишова,
психологи, члены
Союза писателей
России, соучредители
Фонда социально-психического
здоровья семьи
и ребёнка

На сей раз «информационным поводом» для написания статьи стал рассказ молодого журналиста. По заданию редакции он был на выпускном вечере в одной московской школе.

Причём не в каком-нибудь новомодном частном лицее, подчеркнул журналист, делась с нами впечатлениями, а в хорошей школе с крепкими старыми традициями и опытными, заслуженными учителями.

Сначала, по его словам, всё было очень трогательно и совсем по старинке. Выпускники один за другим выходили на сцену и прочувствованно, чуть ли не со слезами на глазах, благодарили наставников.

Но потом был капустник, и те же самые ребята, которые только что обращались к учителям со словами благодарности, теперь изобретательно и остроумно их высмеивали, очень талантливо копировали, подмечая слабые стороны и недостатки педагогов. Хохот в зале не смолкал. Причём громче всех смеялись как раз объекты пародий.

— Это меня потрясло, — прокомментировал журналист. — Всего лишь десять лет назад, когда я заканчивал школу, такое было невозможно.

— Что именно?

— Да всё!

— Как будто раньше подростки не высмеивали училку, — возразили мы.

— Да, но не со сцены и не в их присутствии! — сказал молодой человек. — Хотя меня даже больше шокировал ответный смех педагогов. В этом было что-то патологическое. В общем, тема специально для вас. Осмысливайте.

Мы заверили его, что немедленно начнём «осмысливать», а сами подумали: «Какой, однако, «сердитый молодой» этот наш журналист Рома!» Помните, в Англии после Второй мировой войны возникло течение в искусстве, которое так и называлось — «сердитые молодые»?

«Жареный петух»

«Это же очень мило и трогательно, — продолжали рассуждать мы, — когда подросшие дети и учителя «расстаются с прошлым, смеясь». И молодцы педагоги, что не обижаются. Четверть века назад авторам капустника досталось бы на орехи».

Одна из нас даже вспомнила аналогичный эпизод из своей студенческой юности. Пятикурсники (а не старшеклассники!) довольно беззубо, по нынешним меркам, высмеяли в капустнике преподавателей своего вуза. И реакция была отнюдь не юмористической. Скандал дошёл до ректората: шутников чуть ли не дипломов грозились лишить. Особенно

негодовала преподавательница английского, которую студенты изобразили в неглиже — домашнем халате и бигуди.

«Хорошо, что сейчас педагоги поумнели, — подумали мы. — Тем более что ребята смеялись по-доброму. Иначе разве стали бы они непосредственно перед капустником признаваться учителям в любви?»

Но это была первая реакция на событие. Вскоре после этого произошло следующее. Семилетний мальчик, занимавшийся у нас в психокоррекционной группе, решил на прощанье сделать нам подарок: нарисовал, как он сам прокомментировал, «дружеский шарж».

Слово «дружеский» несколько не смягчало впечатление от рисунка, на котором были изображены два чудовища с маленькими глазками и зловещим оскалом огромных зубов. На обороте было написано: «Дорогим Татьяни Львовни и Ирины Яковлевни на память от Паши» (сохраняем орфографию оригинала). Преподнося нам подарок, бедный Паша довольно смеялся, считая рисунок удачной шуткой. А нам было не до смеха. Нет, вовсе не потому, что это задело наше женское самолюбие! Просто мы столько сил положили на коррекцию Пашиного поведения и надеялись, что его неадекватность за время занятий немного сгладилась. Но «подарок» явственно напомнил о диагнозе. Увы, шизофреник остался шизофреником.

И, опять же, не потому, что эти уродливые изображения не имели с нами ничего общего. В конце концов, семилетний мальчик не обязан воспроизводить портретное сходство. Нет, диагноз выдавало другое — уверенность в том, что он своим жутким рисунком нас *порадует*.

Когда ребёнок намеренно старается оскорбить, уязвить взрослого — это, конечно, тоже не норма. Но тут можно предполагать избалованность, демонстративность, хамство, на худой конец — психопатию. Однако неадекватности тут всё-таки нет. Хотел поиздеваться — и поиздевался. А вот когда искренне хотел порадовать издевательствами, даже не понимая, что тут плохого, это уже гораздо серьезнее.

Бедняга ушёл, и тут кассета памяти немного прокрутилась назад. Мы вспомнили рассказ журналиста Ромы о выпускном вечере. А ведь он, выходит, сообщил нам нечто очень важное!.. Правильно говорят: «Пока жареный петух не клюнул...» Всё, клюнул! Начинаем осмысливать.

Первая наша мысль имела форму вопроса: есть ли какие-то существенные различия между Пашиным «дружеским шаржем» и школьным капустником? Если есть, то какие? Степень похожести пародии на оригинал? В этих двух случаях она была различна. Но, с другой стороны, и возраст детей разный. И потом, ещё неизвестно, что обиднее: беспомощный рисунок, не имеющий с тобой ничего общего, или талантливое высмеивание твоих реальных недостатков. Пожалуй, второе гораздо обиднее. Изобрази женщину-тростинку бочкой, она и не подумает обидеться, потому что уверена в своей стройности. А вот если у неё длинноват нос, то, увидев

себя на карикатуре в образе Буратино, она может, конечно, вымученно улыбнуться, но про себя с тоской подумает: «Надо было ещё тогда, в юности, сделать пластическую операцию. Жалко, что не решилась».

Далее. Насмешка (или, скажем помягче, подтрунивание) присутствует и там, и там. Причём в обоих случаях не за глаза, а в открытую. Но, наверно, и тут важна разница в возрасте — целых десять лет. Да, это существенно. По крайней мере, когда маленький ребёнок передразнивает взрослых, к этому у нас до сих пор относятся отрицательно. Пашина мама, например, покраснела тогда до ушей и попыталась отнять рисунок. Хотя с больного ребёнка какой спрос? И всё же ей было стыдно за сына, который из-за болезни не понимал нелепости своего поведения.

Ну, а почему, если, в сущности, тем же манером прощаются со своими учителями семнадцатилетние, это воспринимается как норма и вызывает дружеский ответный смех? Вероятно, потому, что они уже не дети, а без пяти минут взрослые. Собственно, исходя из такой логики, мы и не разделили поначалу Ромино возмущение капустником.

Но, с другой стороны, разве ребята, став выпускниками, перешли в категорию учителей? Иными словами, разве они сравнивались со своими наставниками? Конечно, нет. Даже когда через тридцать-сорок лет люди приходят в школу на вечер встречи, иерархия «учитель — ученик» сохраняется. Простая учительница физики называет всемирно знаменитого академика Игорьком, а он её почтительно — Светланой Алексеевной. И, скорее, она может рассказать о нём на таком вечере что-нибудь смешное про его рассеянность и неаккуратность, а ему и в голову не придёт напомнить ей, как ребята за глаза подшучивали над её подслеповатостью, которая позволяла свободно пользоваться шпартгалками.

Значит, всё-таки принципиальной разницы между семилетним шизофреником Пашей с его «дружеским шаржем» и вроде бы вполне нормальными семнадцатилетни-

ми выпускниками с их прощальным капустником нет! Как бы выпускники ни пыжились, они всё равно не сравнятся со своими наставниками. Зато с Пашей они сравнялись своей неадекватностью. Ведь психически здоровый ребёнок уже в пять лет знает, что можно позволить себе со сверстником, что — со взрослым, что — с близким родственником, а что — с чужим человеком.

У психически же нездоровых детей это чувство дистанции нарушено. Так что отмена иерархии «взрослый — ребёнок», «учитель — ученик» утверждает патологические модели поведения и, если угодно, шизофренизирует общество. Пока это распространяется в основном на подростково-молодёжную среду, но уже начинает спускаться и ниже, к малышам. Увы, не единичны случаи, когда ребёнок от горшка два вершка, а уже мнит себя равным взрослым, критикует их со знанием дела, дразнит, высмеивает. Пятилетняя девочка, собираясь в гости к бабушке, говорит маме: «Надеюсь, она за неделю поумнела и не будет со мной спорить?» А другая девочка, чуть постарше, возмущается «легкомыслием» матери: «Ты с ума сошла? Зачем нам третий ребёнок? У нас с Ванькой и так одна комната на двоих!» И мать начинает испуганно оправдываться, чуть ли не спрашивать у дочки разрешение на «ответственное родительство» (любимое клише «Ассоциации по планированию семьи»).

Неуместное партнёрство

А теперь опровергнем сами себя. Существенная разница между Пашиным «шаржем» и школьным капустником всё-таки есть. Только не в акции детей, а в реакции взрослых. Мы, конечно, не ярились, не кричали, но достаточно определённо дали Паше понять, что ничего хорошего и смешного в таком поведении со старшими (тем более с педагогами!) нет. А маме лишний раз объяснили, что Паша не соблюдает границ в общении со взрослыми не по злонамеренности, а потому, что он их просто не чувствует. Мальчика особенно

опасно воспитывать в системе столь популярных сейчас партнёрских отношений со старшими, а, напротив, ему нужно чётко задавать традиционные рамки поведения.

Учителя же повели себя диаметрально противоположным образом: они встали на одну доску с детьми и, может быть, искренне, а может, и натужно посмеялись над собой. Вероятно, кто-то из них даже помогал детям сочинять репризы. Уж, во всяком случае, такой демократичный стиль отношений сложился в школе не вдруг, а был привычным. Однако — и это главное! — стиль отношений с детьми всегда задают взрослые. В семье — родители, в школе — учителя, то есть хозяева того или иного микромира, в котором обитает ребёнок.

Тогда возникает вопрос: почему взрослые сейчас так поощряют панибратство? Особенно это изумляет в среде учителей, которые всегда отличались консерватизмом и иногда держали даже чрезмерную дистанцию с учениками. Причин тут много. Большую роль сыграл на фоне бурно развивающейся демократии страх быть обвинёнными в диктатуре. «А вдруг ребёнок вырастет и будет нас ненавидеть?» — думают взрослые. — Говорят же психотерапевты об огромном значении обид, нанесённых в детстве, о психотравмах, которые негативно влияют на всю оставшуюся жизнь...»

И непременно вспоминают случаи из своего прошлого, как их самих обижали родители и педагоги. Ведь если задаться целью, настроиться на определённый лад, всегда можно много чего вспомнить. «Ну, уж нет! — думает родитель, он же бывший обиженный ребёнок. — У меня с моими детьми всё будет иначе. Мы будем друзьями».

А дружба предполагает равноправие. По крайней мере, в идеале. В ней нет начальника и подчинённого, управляющего и управляемого. Каким путём взрослый, который выше ребёнка по интеллекту, физической силе, образованию, социальному и материальному положению и прочим параметрам, может сравняться со своим сыном или учеником?

В миллионах семей дети сейчас позволяют себе (точнее, им позволяют родители) то, что ещё лет двадцать назад было неслыханным. Мы в своей работе сталкиваемся с огромным количеством примеров детско-родительского партнёрства. Приведём всего два.

Пятилетний Стёпа занимается горнолыжным спортом или, как сейчас говорят, «экстремными лыжами». Правда, забираться на гору ему пока тяжело, и когда подъёмник не работает, что случается нередко, Стёпу вверх затаскивает мама. И вот однажды он учинил ей форменный скандал. Причина была серьёзная. После занятий тренер угостил маленького горнолыжника пряниками, сказав, что Стёпа их честно заработал. Один пряник мальчик тут же запихнул в рот, второй зажал в правой руке, а третий протянул маме. Голодная мама, решив, что сын с ней поделился, пряник съела. И уличена была не больше не меньше, как в воровстве чужой собственности! Оказалось, что Стёпа дал ей пряник на сохранение.

— Я же его заработал! — в слезах возмущался мальчик. — Какое ты имела право?

— А я что, не заработала? — оправдывалась мама, сторонница дружески-партнёрских отношений с ребёнком. — Кто тебя привёз на машине? Кто деньги платит за секцию? А на гору тебя тащить, думаешь, легко было? Да я вкалывала, как лошадь!

Наконец, после долгих подсчётов, какова доля маминого труда, «экстремал» смилостивился:

— Так и быть, половину пряника я тебе прощаю. А за вторую ты должна ответить. Извиняйся!

И мама, довольная тем, что дело не кончилось истерикой, охотно извинилась.

А вот другой пример из той серии, тоже весьма характерный. Мама взяла работу на дом и трудилась над чертежом. Шестилетний Никита же требовал, чтобы она с ним поиграла. Мама, ссылаясь на важность и срочность работы, просила его поиграть самостоятельно или подождать. Никита настаивал на своём и, наконец, разъярившись, вылил баночку с водой из-под краски на мамин чертёж. Тогда мама (как она сама потом объясняла, «чтобы он влез в мою шкуру») порвала Никитин рисунок, висевший на стене.

— Ах, так?!

Мальчик, не помня себя от ярости, побежал на кухню и грохнул об пол любимую мамину чашку.

Тут уж и мама, невзирая на потраченные два дня назад большие деньги, сломала дорогую Никитину игрушку — работа с дистанционным управлением.

Потом они дуэтом заревели. Потом мальчик подошёл к маме и потребовал, чтобы она починила ему игрушку и нарисовала точно такой же рисунок.

— Хорошо, — ответила мама. — Только сперва ты поможешь мне начертить новый чертёж и мы склеим мою любимую чашку.

Остаток вечера прошёл во взаимных обвинениях, а назавтра история повторилась почти в точности, разве что с другими объектами порчи.

Ну, разве то, что мы описали, похоже на отношения взрослого и ребёнка? Если кто-то скажет «да», то пусть ответит, чем же они отличаются от отношений двух маленьких сверстников, которые поругались-помирились, потом опять поругались, снова помирились. Один разрушил продукт чужого труда, другой сделал то же самое. Взрослый фактически продублировал девиантное поведение ребёнка. Не наказал его по-взрослому за испорченную работу, а просто отомстил, уничтожил то хорошее, что сделал ребёнок в спокойную минуту, когда он как раз занимался чем-то самостоятельно.

Но плохо даже не столько то, что мама не могла сдержаться. В конце концов, взрослые тоже живые люди и у них не всегда крепкие нервы. А порой и нужно поступить с ребёнком «зеркально», чтобы он почувствовал на себе то зло, которое он причиняет другому. Но ведь Никиту это не вразумило, а только подзадорило! Поче-

му? Мы думаем, потому, что за свой вопиющий проступок мальчик фактически не был наказан. Ведь посмотрите, как идилично кончилась эта история. Сын даже не попросил прощения. Он *требовал*, чтобы мама восстановила его повреждённое имущество. А мама, чтобы не раздувать дальше скандала, склонила его к компромиссу. И где наказание? Мама не сказала ему: «Уходи, я не хочу с тобой разговаривать. Какая игрушка? Какой рисунок? Ты посмел *испортить мою работу!* До прихода папы я вообще не хочу тебя видеть. Папа придёт, будем решать, как с тобой поступить». (Или, если папы в семье нет, надо было наказать его самой лишением чего-то чрезвычайно для него драгоценного.)

Но в том-то и дело, что партнёрские отношения отменяют воспитательный процесс, ибо он невозможен без нормальной иерархии. Впрочем, если иерархия в семье соблюдается, то интеллектуально здоровый ребёнок в шесть лет уже и без поучений понимает, что мамин труд несопоставим с его почеркушкой, даже если это рисунок будущего гения. Когда мама находится на пьедестале своего материнского авторитета, то всё, что её окружает, всё, что от неё исходит, неприкосновенно для порчи. А какое же благоговение можно испытывать к маме-партнёру?

Случай с пряником, казалось бы, разрешился достаточно мирно. Да и протекал без такого накала страстей, как второй. Но на нас он произвёл не менее тяжёлое впечатление. Может быть, потому, что уже ничего нельзя было списать на аффект взрослого. Ребёнок проявляет какую-то запредельную жадность, да ещё по отношению к собственной матери, а она, даже не фиксируясь на его пороке, начинает доказывать, что тоже заслужила свою долю! Тут уж даже не партнёрские отношения. Скорее, уместно говорить об обратной зависимости — ребёнок повелевает мать. Ничего не поделаешь, такова логика «свободного воспитания». Дети не понимают, что их родители воплощают на практике новомодную теорию. Они видят, что взрослый — слабак, и пользуются его слабостью.

В результате воспитание — как «свободное», так и «несвободное» — становится невозможным. Ведь воспитание — это когда один учит другого, как надо себя вести, а другой слушается. И в каких бы формах воспитание ни происходило, его обязательным условием является соблюдение иерархии. Нет иерархии — нет воспитания, и всё идёт вразнос. «В душевном плане пятая христианская заповедь «Чти отца твоего и мать твою...» представляет собой учение об иерархии, — пишет в книге «Умение умирать, или Искусство жить» архимандрит Рафаил (Карелин). — Нужно подчинить себя вышестоящему звену в единой иерархической цепи... подчинить, чтобы иметь возможность воспринять. Здесь непокорность старшим — это выключение себя из структуры. Без соблюдения иерархии и субординации (подчинения низшего высшему) невозможно никакое общество и никакая система, начиная с семьи и кончая государством, даже более того, начиная с атома и кончая космосом».

Откуда взялось хамство

Либеральная публика любит возражать, что родители всегда были недовольны детьми и сетовали на непочитание старших. В качестве доказательства обычно приводится древнеавилонская клинопись на глиняных табличках о том, какая нынче пошла непочтительная молодёжь.

— Всё это было, есть и всегда будет, — успокаивают нас благомыслы вавилонской цитатой. — Ничего страшного, так устроен мир.

Они, правда, забывают добавить (а может, просто не знают?), что от древнего Вавилона, где дети, видимо, так «доставали» своих родителей, что те время от времени приносили их в жертву, сохранились только развалины да черепки. А в последующие тысячелетия мир старался не забывать об иерархии. И лишь когда в безумных головах некоторых представителей мировой элиты стал вызревать план создания Нью-Вавилона, взрослых начали настраивать на партнёрские отношения с деть-

ми, а детей беззастенчиво науськивать на взрослых. Сколько презрительно-саркастических кличек было придумано за последние полвека. «Предки», «кони», «родаки», «черепа»... Уже в самих этих глумливых прозвищах заложен вектор совершенно патологического отношения к отцу с матерью. Отношения, несовместимого с пятой христианской заповедью. Презрительная лексика неизбежно влечёт за собой презрительное отношение.

«Имя вызывает образ, — пишет известный православный автор Н.Е. Пестов, — а образ в душе есть соприкосновение или даже единение души с этим образом. При этом первое или второе — то есть соприкосновение или единение — будет зависеть от нашего отношения к этому образу. Если мы в любви тянемся к нему, то этот образ вливается в нашу душу, объединяется с нами и влияет на наши чувства и ощущения. Но если образ антипатичен, то мы только соприкасаемся с ним и в душе переживаем чувство неприязни или брезгливости. Мы стараемся тогда оттолкнуться в душе от этого образа, поскорее уйти и забыть его... Упоминание «чёрного» имени, ругательство и всякие постыдные слова — всё это ввергает душу в скверну, роднит и объединяет её с тёмной силой» (Душа человеческая. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2003).

Согласитесь, только помрачённое либерализмом сознание не воспримет приведённые выше примеры молодёжного жаргона по отношению к родителям, которых Бог заповедал не просто уважать, а **почитать**, как откровенное хамство и ругательство. Здесь нелишне вспомнить, что имя нарицательное «хам» и его производные (хамство, хамить, охамел, хамло) пошли от имени собственного. Хамом звали одного из сыновей Ноя. Интересно, что о его существовании знают даже люди, очень далёкие от религии. То, что они представляют его мифическим персонажем, в данном случае это не столь существенно. Главное, что о нём знают все, то есть память о грехе Хама оказалась неизгладимой: не столь уж многие отрицательные фигуры так прочно вошли в общечеловеческую историю и стали именами нарицательными. В Священном Писании их, кажется, всего трое: Ирод, Иуда и Хам. Страшные грехи совершили Ирод с Иудой. Страшнее и быть не может. Один пытался убить народившегося Бога, другой предал Его на смерть. Какое же надо было совершить страшное преступление, чтобы оказаться в этом ряду?

Давайте посмотрим. История начинается с того, что Ной после садовых работ выпил вина, опьянел и «лежал обнажённым в шатре своём» (Быт. 9:21). «И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим» (Быт. 9:22). Вот, собственно, и всё преступление Хама. Принято считать, что он посмеялся над наготой спящего отца, но, как видите, это прямо не сказано. Значим сам факт.

Братья Хама, напротив, являют нам образец правильного поведения. «Сим же и Иафет взяли одежду и, положив её на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего» (Быт. 9:23).

То есть они не только не смеялись, но даже не дерзнули посмотреть на Ноя, который, опьянев, спал в ненадлежащем виде.

Большинству современных людей, в том числе юным исполнителям и старшим вдохновителям того школьного капустника, с которого мы начали свой рассказ, наверное, поведение братьев покажется странным, а наказание, постигшее Хама, несправедливым.

— Разве он не по делу критиковал отца? — возмутятся они. — За что его вообще наказывать? Мало того, что отец подавал сыну дурной пример, так ещё и проклял его!

Но, во-первых, если бы проклятие Ноя было несправедливым, то он не назывался бы в Библии «праведным и непорочным в роде своём» (Быт. 6:9). А во-вторых, его проклятие не было бы утверждено Богом, не сбылось бы в стольких поколениях. Нимрод, внук Хама, царствовал в Вавилоне, и это, как пишет в книге «Библия и наука о сотворении мира» прот. Стефан (Ляшевский), «наложило отпечаток на всю идею государственности в виде того зла, которое всегда является неотъемлемой принадлежностью государства: насилие, тюрьма, казни и очень часто гнёт». Согласно Библии, среди более отдалённых потомков Хама были жители Ниневии, так раздражившей Господа своими грехами, что он послал к ним пророка Иону с грозным предупреждением. Были филистимляне, из среды которых вышел великан Голиаф, побеждённый будущим царём Давидом и сделавшийся с тех пор олицетворением какого-то огромного и с виду неодолимого зла. Населяли хамиты и города Содом и Гоморру, также ставшие впоследствии именами нарицательными, обозначающими крайнюю степень порока. Так что отеческое проклятие Хама оказалось весьма долговечным.

СПАСИТЕ ВЗРОСЛЫХ!

Насколько же наши предки были духовно взрослее нас! Особенно в глубокой древности, когда люди были гораздо ближе к Богу, чем сейчас. Боговидцу Моисею Господь, наряду с заповедью о почитании родителей, повелел: «Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:15) и «Кто злословит отца своего и свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:17). Вот как сурово! За другие, с нашей сегодняшней точки зрения, более тяжкие преступления смертная казнь не полагалась, а за посягательство на авторитет родителей, за несоблюдение семейной иерархии — высшая мера, перешедшая в Новый Завет («Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать»; «Злословящий отца или мать смертью да умрёт». Мф. 15:4).

Сейчас же сплошь и рядом видишь: маленький ребёнок бьёт родителей (в том числе по лицу!), а им и в голову не приходит наказать его хотя бы шлепком по попе. Как же! Это ведь жестокое обращение с ребёнком! Пусть самовыражается, отважный малыш! А в некоторых журналах договариваются до того, что родители не должны даже мимикой показывать своё неодобрение — это якобы нарушает детское право на спонтанность реакций.

Злословие же в адрес родителей стало теперь настолько обыденным, что непонятно, кто остался бы в живых, если бы вдруг начали действовать былые законы...

Известен такой случай. Однажды к преподобному Серафиму Саровскому пришёл человек, который начал жаловаться на свою мать, страдавшую грехом винопития. Но преподобный Серафим закрыл ему рот своей рукой, считая недопустимым, чтобы сын критиковал мать даже в тех случаях, когда критика вполне справедлива и обоснована.

Почтительным было и традиционное отношение к учителям. Первоначально эту функцию вообще выполняло священство. Так называли духовных наставников в самых разных культурах. «Учитель» — очень частое обращение апостолов ко Христу. В процессе секуляризации жизни, наряду с религиозными учебными заведениями, появились светские школы. Учительство выделилось в особую профессию, но благоговейное отношение к наставникам детей и юношества сохранялось на протяжении многих веков. И лишь по мере распространения либерализма, когда чувство собственного достоинства стали отождествлять с непослушанием и своеволием, авторитет учителя пошатнулся. Ну, а с конца 60-х гг. XX в. его и вовсе начали целенаправленно разрушать.

Важнейшей точкой отсчёта явилась так называемая парижская весна 1968 г., ознаменовавшаяся массовыми студенческими беспорядками. Разбушевавшаяся молодёжь протестовала против «буржуазного ханжества», требовала, чтобы на всех этажах студенческих общежитий стояли автоматы, выдающие презервативы, и возмущалась косностью преподавателей, которые дерзают поучать молодёжь.

А сегодня в странах Запада авторитет учителей пал так низко, что не только в университетах, но и в школах педагоги всё чаще оказываются в положении жертв: их регулярно бьют, грабят и убивают. Всего несколько фактов. 14 ноября 1995 г. семнадцатилетний Джеймс Роуз, ученик школы Ричленд в г. Линквиль (штат Теннесси) застрелил учительницу и одноклассницу. Ещё

одна учительница получила ранения. 24 марта 1998 г. в г. Джонсборо (штат Арканзас) два ученика местной школы открыли стрельбу. Одна учительница убита. Недавние исследования показывают, что 20% школ США сообщают о фактах насилия в своих стенах. Во многих американских школах администрация даже вынуждена держать полицейских — они называются «команда Стоп» — для усмирения особо рьяных учеников. Учителя же ни себя, ни детей, подвергающихся нападению одноклассников, защитить не в состоянии. Слово учителя давно уже ничего не значит. Эффект может возыметь только грубая сила, которой учителя, по преимуществу женщины, не обладают. Впрочем, если бы и обладали, она бы им всё равно не пригодилась, так как либеральные законы лишили педагогов права даже выгонять хулиганов из

класса. Вот и приходится приглашать полицию, которой пока ещё дозволяют (если она, конечно, поспеет вовремя!) ограждать взрослых от насилия детей. И ведь хватает у кого-то наглости называть это осатанение демократическими нормами, правами ребёнка...

Ну, чем не прообраз ада, где царствуют злоба, жестокость и право силы? Тоже иерархия, только отнюдь не Божественная. А начиналось-то всё с любви, с желания дружеских отношений с детьми. Но в угаре демократизации как-то не учли, что любовь ребёнка к взрослому без уважения немыслима. Без него — или презрение, или голый страх.

По-видимому, это интуитивно почувствовали выпускники школы, где побывал журналист Рома.

— Меня поразило, — сказал он, — как грамотно был срежиссирован прощальный вечер. Сначала объяснения учителям в любви, а потом — капустник.

— Почему «грамотно»? — спросили мы.

— Как почему? — удивился Рома. — Неужели вы не понимаете? После театральных сценок, в которых ребята пародировали учителей, объясняться им в любви было бы неуместным, фальшивым до неприличия. Да нет! — просто невозможным... **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Модернизация и народное образование в Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Е.А. Дегальцева, докторант кафедры истории России НГУ

Российская модернизация, если под ней понимать длительный и одновременный для различных регионов процесс перехода от традиционного к новому обществу, включает множество коренных сдвигов на протяжении последних трёх веков. Основной составляющей этих процессов является изменение образовательного пространства, особенно в раннеиндустриальный период модернизации в конце XIX — начале XX в. Именно количественные и качественные изменения в области народного образования являются основными составляющими происходящих изменений.

Автор полагает, что в развитии народного образования в Сибири сложились две тенденции — восходящая и тормозящая. С одной — общественная инициатива, идущая из разных слоев населения, мощно врывается в сферу науки, образования и культуры, бывших всегда прерогативой государства и церкви. С другой стороны — упорные попытки государства ограничить образовательные возможности для простого народа, встретившие сопротивление со стороны общественности, которая стала объединяться в своей добровольной деятельности. Постепенно ситуация начинает меняться, церкви передают образовательную эстафету городским и сельским светским школам, самодеятельным формированиям. На рубеже XIX–XX вв. сложились объективные и субъективные предпосылки для развития народного образования. К объективным следует отнести качественно новый уровень развития сибирской экономики в последней трети XIX в., связанный с ускорением темпов развития промышленного производства, сельского хозяйства, торговли и транспорта, которым требовались новые грамотные кадры.

К субъективным предпосылкам следует отнести деятельность сибирской общественности — интеллигенции, представителей политической ссылки, промышленников и купечества, ратовавших за преодоление неграмотности. Появились люди — достаточно самостоятельные и весьма свободные, чтобы иметь возможность получать образование, что раньше считалось возможным лишь для привилегированных слоев населения. Они заложили новую модель изменившегося образа жизни и типа поведения.